

— Прошу прощения, ваша милость, но я не совсем вас понимаю.

Это была не такая уж большая ложь, и она спасала уже несколько раз за последние шесть недель. Мия, хоть по-прежнему и думала по-арабски, неплохо понимала английскую речь, когда не отвлекалась на посторонние мысли.

Судя по подозрительному взгляду герцога, ее попытки сослаться на незнание языка уже не были такими убедительными, как прежде.

— Я сказал, что тебе стоит осторожнее выбирать, кому и о чем рассказывать. Я с ног сбился, чтобы скрыть самые отталкивающие обстоятельства твоего прошлого. Мне с трудом это удастся, когда ты болтаешь об отрубании голов, отравителях и... э-э... евнухах. — При слове «евнух» бледную кожу ее отца окрасил румянец.

Мия склонила голову, пряча улыбку.

Видимо, приняв ее поклон за признак раскаяния, отец Мии вновь начал прохаживаться туда-сюда; толстый обюссонский ковер, коричневый с золотыми узорами, покрывавший пол, приглушал шаги его тяжелых сапог. Герцог несколько раз откашлялся, словно пытаясь избавиться от привкуса возмутительного слова, и продолжил:

— Рано или поздно мои заботы о тебе принесут плоды, но только если ты перестанешь делиться с посторонними самыми гнусными аспектами своего прошлого.

Наблюдая за отцом из-под опущенных ресниц, Мия подумала о тех аспектах своей жизни в Ороне, которыми ни с кем не делилась. Как бы герцог отнесся к тому, что у нее имеется семнадцатилетней сын Джibriль? Или к тому, чтобы она во всех мерзких подробностях рассказала о самых необычных пристрастиях Бабы Хасана? Будет ли лучше ужаснуть его, рассказав правду, или позволить ему и дальше обращаться с ней как с пятнадцатилетней девочкой, хотя ей уже стукнуло тридцать два года?

Ответ был прост: истина никому не принесет выгоды и уж точно ничем не поможет Мие.

— Простите меня, ваша светлость, — прошептала она.

Герцог фыркнул и продолжил мерить шагами комнату.

— Твоя кухня заверила меня, что ты усердно учишься вести себя прилично в обществе, но после недавнего фиаско... — он покачал головой, морща обычно гладкий лоб.

Речь шла о недавнем званом обеде, на котором Мия заметила, что казнь путем отсечения головы гуманнее, чем повешение. Откуда ей было знать, что это простое замечание вызовет такой переполох?

Герцог вновь остановился перед ней:

— Меня беспокоит, что твоя двоюродная сестра Ребекка с тобой недостаточно строга. Может быть, тебе будет полезно более суровое воспитание, например под руководством твоей тети Филиппы?

Мия поморщилась. Одна-единственная неделя под неусыпным надзором тети Филиппы была ужаснее семнадцати лет в гареме, среди толпы злокозненных женщин.

Герцог кивнул, на его красивом лице появилась мрачная улыбка.

— Да, я вижу, что, несмотря на языковой барьер, ты осознаешь, как изменится твоя жизнь, если я отправлю тебя в Бернвуд-парк, к моей сестре.

От этого жуткого предложения Мие непреодолимо захотелось пасть ниц, как она привыкла поступать, когда Баба Хасан был ею недоволен, — его неудовольствие не раз стоило девушкам из гарема головы. К счастью, Мие удалось сдержаться. Когда она в прошлый раз продемонстрировала этот жест смиренного уважения (впервые за семнадцать лет оказавшись в Англии), герцог онемел от ужаса при виде дочери, валявшейся у его ног в дорогой обуви, так что Мия просто опять склонила голову.

— Я бы не хотела жить с тетей Филиппой, ваша светлость.

Тяжелый вздох герцога повис у нее над головой, словно грозовое облако.

— Посмотри на меня, Юфимия. А я ведь думал, ты сама хочешь оставить свое безотрадное прошлое позади и начать новую жизнь. Конечно, ты уже немолода, но вполне привлекательна и все еще способна рожать. Жизнь, которую ты вела, может стать... помехой на пути к счастью. — Герцог умолк, будто сам считал, что «помеха» — это слабо сказано. — И все же есть несколько уважаемых в обществе людей, готовых на тебе жениться. Но ты должна смиренно принять некоторые... э-э... недостатки мужчин, ищущих твоей руки.

«Недостатки»! У Мии едва не вырвался истерический смешок. Ее отец имел в виду, что лишь умалишенные, мерзкие, безмозглые, больные или страдающие сразу от нескольких из этих недугов готовы жениться на немолодой женщине с сомнительным прошлым.

Мия ответила:

— Да, ваша светлость.

— Я понимаю, что они не похожи на прекрасных принцев, о которых мечтают девочки, но ты уже давно не девочка, Юфимия, — все это было сказано таким деловым тоном, что можно было подумать, герцог говорил о состоянии канализационных труб в имении Карлайлов, а не о счастье дочери. — Если не справишься как можно скорее, лишишься даже своего небогатого выбора, и все, что тебе останется, это тихая жизнь в Бернвуд-парке, а мы оба знаем, что тебе бы этого не хотелось. — Герцог дал ей осознать его слова и продолжил: — Светский сезон почти окончен, и тебе пора принять решение о своем будущем. Ты меня понимаешь?

— Да, ваша светлость, понимаю.

Мия понимала его, и даже очень неплохо. Отец хотел избавиться от нее прежде, чем она сделает что-нибудь настолько вопиющее, что лишится всякой надежды на брак.

— Вот и славно. — Морщины на лбу герцога разгладились. — Сегодняшний бал предоставит тебе прекрасную возможность познакомиться поближе с несколькими мужчинами, которые проявили к тебе интерес. Все, что от тебя требуется, это вести себя пристойно и как следует развлекаться — конечно, в пределах разумного.

Герцог похлопал ее по плечу, вернулся в свое кресло и продолжил изучать конторскую книгу. Аудиенция была окончена.

За дверями герцогского кабинета возвышались два лакея. Один из них шевельнулся, чтобы закрыть дверь за Мией.

— Спасибо, — сказала она, хоть и знала, что слуг не благодарят.

Лакей по-прежнему смотрел ей через левое плечо, но на его могучей шее появились красные пятна.

Прошло несколько недель с тех пор, как Мия вернулась в Англию, но ее по-прежнему постоянно отвлекало обилие привлекательных мужчин, которые не были евнухами. Этот интерес часто бывал взаимным, и она спиной чувствовала любопытный взгляд лакея, направляясь в библиотеку.

Куда бы она ни пошла: в лавку, или на бал, или в столовую фамильного дома, — всем хотелось узнать побольше о загадочной дочери герцога Карлайла: и слугам ее отца, и толпам незнакомцев, часами ожидавших ее появления возле его дома, и особенно тем, кто вел скандальные колонки в газетах, которые в Лондоне продавали на каждом углу.

Газетчики не успевали сочинять о ней истории так часто, как того желали жадные до сплетен читатели. Те, что посмелее, пытались вытянуть такие истории из нее самой, забирались в герцогскую карету — один из них проделал это прямо на ходу, — прятались в багажном отделении и проникали в примерочную излюбленной модистки Мии.

Вся страна сгорала от нетерпения узнать больше о таинственном прошлом Мии. Не желали этого лишь ее близкие,

которые жили в постоянном страхе, что она сделает или скажет что-нибудь настолько ужасное, что от репутации ее семьи не останется камня на камне.

Мия распахнула дверь в библиотеку и остановилась. Ее младший брат сидел за большим столом, занимавшим солидное место у дальней стены комнаты, заставленной книжными шкафами. Из-за шатких стопок книг и бумаг виднелась только его макушка. Мия едва сдержала стон разочарования. Неужели во всем огромном доме не найдется места, где можно остаться наедине со своими мыслями?

Встретившись взглядом с удивленными зелеными глазами брата, она попятилась было из комнаты:

— Прости, Киан, не знала, что ты занят. Не буду тебя отвлекать.

— Останься, пожалуйста. Мне нравится твоё общество. — Он жестом указал на гору книг. — Сегодня у меня совсем голова не работает.

Мия вздохнула и закрыла дверь:

— Ты слишком много думаешь, Киан.

Она пересекла широкую равнину блестящего темного паркета и присела на кушетку густо-красного цвета напротив стола.

— Отец тоже так говорит.

Мия поморщилась:

— А, отец.

Она развязала ленты своих тонких лайковых туфель и сбросила их, садясь по-турецки, но поймала взгляд Киана и примирительно подняла руку:

— Брат, пожалуйста, меня уже только что отругали. Не злись на меня.

Киан покачал головой, так что каштановая прядь упала ему на лоб:

— Мне плевать, как ты сидишь, Мия, но ты знаешь, как это важно для отца. Придется тебе привыкнуть к нотациям, если продолжишь так сидеть. — Он отодвинул стопку книг

в сторону, чтобы лучше видеть сестру. — Но довольно об этом. Скажи, ты с нетерпением ждешь вечера?

— Нет.

Киан расхохотался.

— Я не шучу. Это будет просто еще одна возможность сделать или сказать что-нибудь не то и навлечь на себя гнев отца.

— Да ладно тебе, Мия. Я ничего не видел о тебе в книге для записей пари у себя в клубе. — Он ухмыльнулся. — Во всяком случае, на этой неделе.

— Ха. Очень смешно. Того, что я натворила на балу у Чаррингов, достаточно, чтобы заполнить несколько книг. — Мия оперлась локтем о спинку кушетки и опустила подбородок на руку.

Киан помрачнел:

— Пора забыть о том... э-э... случае, Мия. Я уже давно о нем ничего не слышал.

«Случай» приключился во время первого бала Мии, на котором она ужасно опозорилась. Утешения брата показались ей наивными и излишне оптимистичными. Люди перестали делать на нее ставки в книгах для пари, но это не значило, что они обо всем забыли.

— В любом случае, — продолжил Киан, — не сомневайся: этим вечером у тебя не будет отбоя от ухажеров.

Брат Мии изо всех сил старался приукрасить событие, которое, в сущности, сводилось к публичному аукциону.

Мия пожала плечами:

— Да уж, на званом обеде нежеланных гостей не будет, только люди с безупречной родословной. После того как отец увидел, как я на балу у Пауэллсов говорила с наследником угольного магната, я усвоила, что богатство, нажитое от добычи угля или производства тканей, обесценивает хорошую генеалогию, в то время как скудоумие, дряхлость и фатовство, напротив, вполне приемлемы.

Киан взглянул на дверь, как будто кто-то — герцог? — мог подслушивать у замочной скважины.

— Дорогая сестра, лучше попридержи язык, если хочешь привлечь хотя бы таких мужчин.

— Мне так и сказали. Кроме того, отец дал понять, что отправит меня в заточение к тете Филиппе до конца моих дней, если я не выйду замуж до конца сезона.

Киан открыл было рот, но тут же опять закрыл. Что-то в обреченном взгляде брата вызвало у Мии угрызения совести.

— Не обращай на меня внимание, Киан. Мне все еще больно от слов отца.

— Ты хоть знаешь, кого отец сегодня предложит твоему вниманию?

— О да, я видела список гостей. — Мие с трудом удавалось сохранять беззаботный тон, кровь пульсировала в висках от ярости при мысли о кандидатах в мужа, которых подобрал для нее отец. Перед каждым будет на столе табличка: лорд Канстон, за восемьдесят, пускает слюни, принимает меня за одну из своих семи дочерей, отчаянно нуждается в наследнике и новой крыше для своего загородного дома в Девоне; виконт Моэм, двадцать два года, кожа бледная, как у юной девушки, и явное равнодушие к женщинам.

— Мия!

Киан встрепенулся так резко, что уронил стопку книг и едва успел поймать ее прежде, чем она свалилась на пол.

— Кто тебе такое сказал?

— Мне тридцать два, Киан. — Мия приподняла брови. — Скажи, брат, разве я не права?

Киан точно язык проглотил, но его пунцовое лицо вызвало у Мии улыбку.

— Твоя физиономия говорит лучше всяких слов.

Мия и правда не могла припомнить, когда в последний раз у нее самой бывал такой румянец. Султан отучил ее краснеть много лет назад.

— Хотя ты об этом и знаешь, Мия, нельзя говорить об этом на людях, особенно при отце.

— Я не на людях, с тобой. Если я не могу даже с тобой говорить откровенно, кто же мне остается? Кузина Ребекка?

— Боже милостивый! Конечно, нет!

Мия тяжело вздохнула:

— О, Киан, как будто я допущу подобную глупость!

— Нет-нет, конечно, не допустишь. — Осоловело посмотрев своими зелеными глазами на заваленный книгами и бумагами стол, он опять взглянул на сестру. — Если уж тебе так хочется говорить о подобных вещах, лучше говори со мной, но только наедине. Дай слово, что никогда не станешь этого делать в чужом присутствии.

Мия недоверчиво взглянула на него.

— Я серьезно, Мия. Дай мне слово.

Строго поджатые губы и суровый взгляд Киана придали ему явное сходство с отцом. Мия подозревала, что он вряд ли обрадуется, если узнает об этом.

— Хорошо, Киан, даю слово. Может, поплюем на ладони и пожмем друг другу руки, как в детстве?

Киан со стоном опустил голову на руки.

— Шучу, — выдавила Мия сквозь смех. — Клянусь больше не говорить о таких вещах, когда нас могут услышать. Так сойдет?

На лице Киана не было облегчения, напротив, между глазами пролегли морщинки беспокойства.

— Но ведь не все твои ухажеры так ужасны?

Мия хотела его утешить так же сильно, как саму себя. Не то чтобы у нее были особенно завышенные требования — она не ожидала любви или дружбы, вовсе нет, скорее искала равнодушия. Чем меньше дела мужу будет до нее, тем проще будет спланировать бегство назад, в Оран.

К сожалению, она не могла рассказать об этом Киану, особенно учитывая, как сильно пострадает его репутация,

когда она бросит будущего мужа. Ах, если бы она могла просто исчезнуть, не связывая себя браком! Но отец отрезал ей пути к отступлению, выдавая так мало денег, что их едва хватало на булавки, и отказываясь дать больше, пока она не выйдет замуж. И даже если бы у нее хватало денег для возвращения в Оран, строгий надзор герцога не оставлял надежды организовать побег.

— Мия?

Мия посмотрела на Киана и улыбнулась так ободряюще, как только могла в сложившихся обстоятельствах.

— Хотя я и жалею, но на самом деле с нетерпением жду сегодняшней бал.

Облегчение на лице Киана стоило этой маленькой лжи. Мия всунула ноги в туфли, завязала ленточки на шиколотках и поднялась.

— Не буду тебя отвлекать. — Она протиснулась между горами книг и бумаг, поцеловала брата в щеку и удалилась.

— Оставь за мной хоть один танец, — крикнул Киан ей вслед.

Мия закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Не поделится ли планами с Кианом? Возможно, она его недооценила? Ведь он и сам здесь несчастлив. Он проводит большую часть своего времени, закопавшись в книги, лишь бы сбежать от неподъемных ожиданий герцога. Вдруг он ей поможет?

Мия оттолкнулась от двери и тряхнула головой, твердя себе, что принимает желаемое за действительное. Киан, пусть и сочувствует ей в брачных делах, никогда не поймет ее желания вернуться в Оран. Кроме того, известие о существовании ее сына тоже его не обрадует. Для любого из десяти тысяч богатейших людей Англии, включая ее собственную семью, ее любимый Джибриль был всего лишь бастардом-метисом, прижитым от неверного дикаря.

Нет уж, вернуться к сыну придется, полагаясь только на собственные силы. Никому нельзя доверять, даже брату.

Чем скорее она исполнит волю отца и выберет себе мужа, тем скорее сможет бежать из этой ужасной страны и вернуться к Джибрилю.

Сегодня Мия должна была принять окончательное решение, каким бы бедным ни был выбор.

Глава 2

Сейер показал Адаму два жилета на выбор.

Адам уже собирался отказаться от обоих и велеть принести что-нибудь более подходящее для вечера в клубе, когда у него перед глазами возникло лицо герцога Карлайла. Адама поразило то, как тот обрадовался их встрече в клубе «Уайтс». Уже много лет никто не был ему так рад.

Но хоть теплое приветствие его и озадачило, последующий разговор заинтриговал. Даже теперь, спустя четыре дня, его интерес не угас.

— Проклятье! — выругался Адам.

— Прошу прощения, милорд?

Адам вздохнул:

— Тот, что справа, Сейер.

Пока камердинер помогал ему надеть жилет из белого шелка, Адам продолжил мысленный спор с самим собой, начавшийся еще со встречи с герцогом во вторник. Ехать или не ехать на этот треклятый бал и званый обед, которые устраивает герцог?

Герцог Карлайл был старше его по возрасту, пользовался всеобщим уважением и прежде даже парой слов с ним не перекинулся, а теперь уговаривал его с настойчивостью закадычного друга, не дал даже снять шляпу и перчатки, а сразу же потащил к столу.

— А, Экли, я надеялся застать вас здесь сегодня. С вашего позволения, уделите мне минутку?

— С удовольствием, ваша светлость, — ответил Адам после секундной заминки.